

Анатолий Агарков

*Хождение
в пятую часть*

Электронная версия

Хождение в пятую власть

*Ну, раз послали в жопу, заходите.
/Н. Резник/*

1

Увы, клад Пугачева опять не дался. Кто заблуждается – легенда о пещере Титичных гор или люди ее пересказывающие? Вполне возможно за прошедших два века золото бунта, если оно и было зарыто в этом месте, нашли, раскопали и унесли. Тогда обе мои попытки достичь его были зряшными. Но, как говорится, не проверишь – не узнаешь.

Сокровищ – ни следа, если не считать той суммы знаний, приобретенных в первобытной стране, которые озарили мой ум, умеющий теперь делать что-нибудь из ничего. Возможно, это больше на благо мне, нежели бочки с золотом и сундуки с алмазами, даже если бы они не были призрачны, как те облака, которые ранним утром несутся над поверхностью моря и кажутся твердою землей, но испаряются и исчезают по мере приближения к ним.

Итак, все кончено. Я в нашем времени, на этом свете – без семьи, работы, жилья и даже, как уже говорил, без сокровищ. Прошли месяцы с того дня, когда я нырнул под лед в пещере Титичных гор – был январь, а теперь на дворе апрель в самом конце. Первое же зеркало на пути к дому (а это было боковое зеркальце у машины) показало, что первобытные приключения произвели некоторую перемену в выражении моего лица. Я ухнул в прорубь с чертами цветущего юноши, от которых теперь не осталось следа – будто несчастье уже начертило зловещие знаки на моем челе: лицо осунулось; мило улыбающийся рот принял твердое и решительное выражение; брови изогнулись; лоб пересекла суровая, прямая морщинка; в глазах притаилась глубокая грусть. Лучший друг, если такие остались на свете, не узнал бы меня – я и сам себя не узнавал. И не потому, что не брит.

Короче, отражение было чужим, хотя знакомые черты никуда не делись. Они лишь обострились или, наоборот,

сгладились. На меня смотрел голубоглазый субъект, в волосах которого появился налет седины.

Ну и усища! – хмыкнул я.

У меня отродясь таких не было – свисающих ниже подбородка. К тому же нос покраснел, словно я не отказывал себе в вине в первобытной стране. А левую косицу украсил бледно-розовый шрам, похожий на гусиную лапу.

Это откуда?

Впрочем, что хотел увидеть в зеркале? Женщину с девственным лицом?

Я направлялся домой, в Увелку, к родителям, и сколько ни рылся в богатом воображении, не находил убедительной версии своего отсутствия в этом мире. Что придумать? Лежал в больнице, был при смерти, не смог сообщить. Или подхватил простуду и чуть не скончался от соплей?

Кстати, смерть – самое важное событие в жизни, не находите? Любопытно знать, как люди переносят переход от бытия к небытию. Вот спросят меня о клинической смерти – что скажу? От этих мыслей где-то у корней волос выступил пот....

Хотя, отвлекся.

Родители не смогут упрекнуть, что я пунктуален до тошноты – выехал из Челябинска в январе, а появлюсь в родных пенатах спустя лишь три месяца. Зато насовсем! И вряд ли они знают дату моего отъезда.

Нельзя не сознаться, что на этот раз против обыкновения и логика была не на моей стороне. Короче, добрался и рассказал в родительском доме такую историю – мол, карьера на заводе не задалась, с женой посоветовались, и решил я попробовать в Увелке подняться. Получится – семью заберу, жилье найду, и будем мы жить поближе к природе, подальше от шума, пыли и городского газа. Все слова, несмотря на их необычность, дышали, по-моему, такой простотой, что нельзя было предполагать в них и капли лжи – да и зачем мне врать?

Однако долго в уме редактировал, прежде, чем вслух сказать. Солгать, глядя в глаза родителям, очень непростая задача. А правду я им не хотел говорить: боялся, что она слишком жестока и может привести стариков в шок. Пусть знают

то, что я сказал – не хочу их впутывать в мои семейные передраги.

И опустил из рассказа круиз в пещеру.

Отец и мама смотрели на меня, и в глазах их читался вопрос – с ума ты сошел, сын, или просто дурачишь нас? Они даже переглянулись недоуменно.

- А что ты на это скажешь? – отец выложил передо мной извещение Увельского райкома КПСС двухмесячной давности, предлагающего мне явиться и встать на учет.

М-дя.... Это плохой знак: если совесть чиста, человек не бледнеет вдруг, и руки его не стучат «морзянку». В голове мелькнула куча версий, делавших больше чести изобретательности, чем правдивости. А отец вперил в меня долгий, загадочный взгляд. Потом, после минутного молчания, сказал с непривычной для него печалью в голосе:

- Запомни мои слова: от всякой беды есть два лекарства – время и молчание. Но когда однажды захочешь рассказать о себе всю правду, позови меня – если я еще буду жив, то выслушаю и найду слова, которые утешат душу твою, томящуюся грехом.

- Ты это серьезно? – показалось, меня мистифицируют.

Отец посмотрел на меня взглядом человека, который удивлен, что ему задают такие дурацкие вопросы, и решил брать «быка за рога».

- Ты, похерив диплом инженера, отказываешься от карьеры начальника на заводе. Что после этого мы должны о тебе думать?

- Помнится, ты говорил, что диплом – это поплавок, а высшее образование, оно и в деревне высшее.

- Да ты что? – усмехнулся отец, насколько наивнее мог.

- Я завтра пойду в райком, и мне предложат какую-нибудь должность – вот увидишь! Мое образование и доброе имя родителей чего-нибудь да значат! У меня незапятнанная фамилия, рабоче-крестьянское происхождение, партийная принадлежность – это по нынешним временам самое то для начала карьеры.

**Заказать
полную версию
произведения
МОЖНО здесь
http://anagarkov.ru/zakaz_form.php**